

АМЕРИКАНСКИЕ И КАНАДСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ КАНАДСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

И.А. Соков

В докладе излагаются теории американских и канадских ученых по проблеме генезиса канадской политической культуры в XIX – первой половине XX вв. Проведенный автором анализ показал недостаточную обоснованность существующих теорий и концепций для объяснения истории зарождения и эволюции канадской политической культуры. В статье делается вывод о том, что для полного объяснения истории канадской политической культуры требуется мультидисциплинарный подход, основанный на анализе многочисленных факторов, влиявших на генезис канадской политической культуры в исторической динамике.

Ключевые слова: канадская политическая культура, Г. Алмонд, С. Верба, Л. Харц, С.М. Липсет, Г.А. Иннис, Г. Горовиц, Н. Вайсмэн, И. Маккей

The paper reveals the theory of the American and Canadian scholars on the problem of the genesis of the Canadian political culture in the 19th – first half of the 21st centuries. The author's analysis showed the lack of validity of the existing theories and concepts to explain the origin and evolution of the Canadian political culture. The author makes the conclusion that the multidisciplinary approach based on the analysis of numerous factors which had an effect on the genesis of the Canadian political culture in the historical dynamics requires for the systematic explanation of the history of the Canadian political culture.

Key words: Canadian political culture, G. Almond, S. Verba, L. Hartz, S.M. Lipset, H.A. Innis, G. Horowitz, N. Wiseman, I. McKay

Научный интерес к исследованиям истории развития канадской политической культуры среди канадских историков и интеллектуалов стал проявляться после образования канадской государственности. Попытка системно исследовать историю канадской политической культуры была предпринята в начале XX в. в 20-томном издании

«Создатели Канады»¹, но в силу неопределенности самого понятия «политическая культура» эти исследования были фрагментарными.

Начало XX в. принято считать временем дифференциации исторической дисциплины с образованием новых научных дисциплин — политологии, культурологии, социологии, экономической истории и других. Эти новые дисциплины с позиции своей методологии предприняли попытки определения концепта «политическая культура» и генезиса национальных политических культур. Первыми результатами найденного концептуального подхода к определению понятия «политическая культура» стала работа американских политологов Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти нациях», опубликованная в 1963 г.² Главным в их методологии следует считать: определение идеальных типов политических культур, имеющих историческое основание (приходская, подданническая, партисипаторная [активистская]) и утверждение, что политические культуры имеют субъективистско-психологический характер. Такой подход понимания политической культуры в последующем получил название интересубъективного³.

Этот подход позволил выделить идеальные типы политических культур, их структуру, функции, уровни, черты, но подход Алмонда—Вербы не учитывал уникальные факторы историко-культурного влияния в генезисе каждой национальной политической культуры, что не позволяло объяснить или спрогнозировать возможные в них изменения. Тем не менее, концепция Алмонда—Вербы получила широкое признание в западной литературе.

Вторым подходом в исследовании политических культур стал социентальный подход. Основателем такого подхода на Западе в исследовании истории политических культур переселенческих обществ следует считать представителя американской школы Льюиса Харца. Его идеи, изложенные в теории фрагментации⁴, определили предпосылки и основания происхождения и развития политических культур иммигрантских обществ в Новом Свете.

Основная идея заключалась в утверждении, что с прибытием иммигрантов из Европы в Новый Свет ими были перенесены идеологические представления в виде «фрагмента» определенной европейской

¹ *The Makers of Canada: in 20 vols.* Toronto, 1909–1911.

² *Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* Princeton (N.J.), 1963.

³ *Малинова О.Ю.* Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // *Полис. Политические исследования.* 2006. № 5. С. 107.

⁴ *Hartz L. The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia.* Orlando (Fla.), 1964.

политической культуры, и, таким образом, на местах новых поселений сразу же появились фрагменты колониальных политических культур. Эта идея была им высказана еще в 1955 г. в работе «Либеральная традиция в Америке»⁵.

Фрагментарная теория Л. Харца устанавливает генетическую связь между политическими культурами европейских и переселенческих обществ и выделяет характерные черты новых политических культур во вновь создаваемых сообществах. Каждый случай европейской колонизации Л. Харц видел как процесс не только территориального отделения, фрагментации и изоляции определенной части европейского общества, но и отделения от конкурентных политических процессов, идущих на их старой родине. Он считал, что Латинская Америка и французская Канада – это фрагменты феодальной Европы; Соединенные Штаты, английская Канада и голландская Южная Африка – либеральные фрагменты; Австралия и английская Африка – «радикальные» фрагменты. Причем Канада и Южная Африка из-за сложной природы их основания считались обществами двойного фрагмента. Центральная идея фрагментарной теории Л. Харца состоит в том, что политическое развитие новых обществ в значительной степени определено культурным наследием, переданным из Европы первыми поселенцами. Подход Харца обеспечивал «предопределение» и «судьбу» для поселенческих колоний: быть либеральной для США, радикальной – для Австралии, феодальной – для Латинской Америки.

Существенным ограничением теории фрагментации является ее паннационализм (или панамериканизм, в случае США). Она рассматривает национальные политические культуры как гомогенные (феодалные, либеральные, радикальные). Формальным и явным ограничением теории фрагментации является ее однофакторный подход, определивший не только типологию переселенческих обществ, но и их определяющее развитие на местах заселения. Такой подход не только сужал представления об уникальности национальных политических культур, но и внес определенные несогласованности с историческими фактами и процессами, которые присутствовали в генезисе политических культур переселенческих обществ.

Л. Харц полагал, что британские завоеватели Новой Франции не оказали существенного влияния на изменение французского колониального

⁵ Hartz L. The Liberal Tradition in America: An Interpretation of American Political Thought since the Revolution. N.Y., 1955. Эта работа стала широко известна в нашей стране в 1993 г. благодаря переводчикам Я. Бляблину, Л.В. Горизонтовой, Г.Н. Серебрякову, Р.Я. Столпер и работе над текстом д.и.н., проф. В.В. Согрина и к.и.н. Л.М. Троицкой. См.: Харц Л. Либеральная традиция в Америке / Пер. с англ.; под общ. ред. В.В. Согрина. М., 1993.

фрагмента до прибытия лоялистов из Соединенных Штатов. Поэтому, по его мнению, на политическое развитие в Канаде и появление в ней консервативной идеологии повлиял процесс переселения лоялистов из США в ходе и после Американской революции XVIII в. Такое упрощение, допущенное Л. Харцем, исключило влияние других важных факторов в генезисе канадской политической культуры: пространственно-временного, религиозного, экономико-ресурсного, иммиграционно-демографического, этно-антропологического и других.

Вопрос вызывает утверждение Л. Харца о том, что с завоеванием Квебека в североамериканских колониях появился англоканадский «либеральный фрагмент», подобный тому, какой был на тот момент в тринадцати американских колониях. В пользу отсутствия либерального англоканадского фрагмента после завоевания Квебека может служить тот исторический факт, что англоканадская политическая и административная элита быстро поддержала существующий элитарно-клерикальный порядок в провинции Квебек после трехлетнего военного администрирования. К тому же в истории Квебека со времен английского завоевания не было известных исторических персонажей, которые бы принесли с собой либеральные идеи в британские колонии, подобно Т. Пейну и У. Коббету.

Нельзя согласиться с утверждением Л. Харца о том, что оба фрагмента (франкоязычный и англоязычный) были «заморожены» («congealment») в своем политическом развитии до переселения лоялистов. Во-первых, в Квебеке сменились четыре политических режима британского правления, которые существенно изменили структуру политических институтов. Это – установление военного режима британской администрации 1760–1763 гг., действие «Прокламации 1763 г.» в 1763–1774 гг., действие Квебекского акта 1774 г. до 1791 г.; введение Акта 1791 г., которое разделило Квебек на две провинции. Эти институциональные преобразования существенно меняли привилегии гражданских и клерикальных элит, политическое самосознание двух этносов и создавали определенное, более лояльное отношение к колониальной администрации со стороны франкоязычного населения и тем самым определенным образом меняли колониальную политическую культуру в североамериканских британских колониях. Во-вторых, поток иммигрантов из Европы никогда не прерывался. Новые иммигранты приносили свой новый гражданский и политический опыт, полученный в революционной и реформируемой Европе, который пытались применить в других условиях своего проживания. В-третьих, процесс иммиграции усиливался и в английской, и во французской колониях. Уже адаптировавшиеся канадцы, которые занимались охотой на бобров и заготовкой древесины, перемещались вглубь новых территорий, а новые иммигранты,

селившиеся вначале в городах, несли с собой и новые для того времени идеи и идеологию. В-четвертых, следует иметь в виду, что после английского завоевания Новой Франции, британские губернаторы Джеймс Мюррей и Гай Карлетон в условиях англоканадского меньшинства поддерживали сложившуюся франкоквебекскую колониальную политическую культуру через принятие существующего экономического порядка в Квебеке, использование континентального римского права в гражданском судопроизводстве и Католическую церковь как оплот своего будущего правления и господства.

Все это позволяет сделать вывод, что «фрагментарность» и «изолированность» политической культуры северных поселенцев Северной Америки является искусственно введенным термином и не соответствует фактам ее политической истории.

Теория формирующих событий С.М. Липсета⁶ заключается в том, что в политической истории каждой страны Северной Америки имеются такие события военного, революционного, институционального и других порядков, которые становятся формирующими для изменения политического поведения электората, политического процесса, политической практики власти и действий политических партий.

По мнению С. Липсета, такими формирующими событиями для США стала Американская революция XVIII в., для Квебека – завоевание Новой Франции англичанами, для провинции Онтарио – переселение лоялистов из США. Поэтому Соединенные Штаты были сформированы их революционным происхождением, в то время как английская Канада – ее контрреволюционным прошлым.

Далее, установив хронологические рамки революции и контрреволюции в обеих «американских странах», С.М. Липсет заявил, что народы сами для себя определили свои демократические цели: для первой – «жизнь, свобода и стремление к счастью» («life, liberty, and the pursuit of happiness»), для второй – «мир, порядок и хорошее правительство» («peace, order, and good government»)⁷. Не поддержав революцию, Канада, по определению С. Липсета, стала «остаточной страной» («residual country»)⁸.

Кроме термина «формирующие события» С.М. Липсет ввел термин «потрясения» («quakes»), имея в виду события, кардинально менявшие политический облик страны. По Липсету, «потрясения» не меняют

⁶ Термин «формирующие события» введен канадским политологом Н. Вайсмэном для обозначения названия теории С.М. Липсета. См.: *Wiseman N. In Search of Canadian Political Culture*. Vancouver, 2007.

⁷ Ibid. P. 1.

⁸ Ibid. P. xvi.

идеологию, а, следовательно, не меняют и политическую культуру, они являются «последствиями» формирующего события. Для США таким «потрясением», по мнению Липсета, была Гражданская война 1861–1865 гг. Это было монументальное потрясение национального масштаба. Липсет различает также потрясения регионального и провинциального масштаба. Так, он считает, для Квебека региональными потрясениями были восстание в Нижней и Верхней Канаде 1837–1838 гг. и «Тихая революция» 1960-х гг., для провинции Онтарио – война 1812 г., введение принципа «ответственного правительства» в 1848 г.⁹

Продолжением теории формирующих событий стала теория ценностных ориентаций (*value-orientation theory*), которая нашла свое теоретическое обоснование и воплощение в сравнительном исследовании «Континентальный разлом: ценности и институты Соединенных Штатов и Канады»¹⁰. В этой работе С.М. Липсет высказал утверждения о том, что определенные традиции и порядок в работе правительств, установление личных и общественных отношений, отношение к религии и культуре отражают разные подходы американцев и канадцев к пониманию экономических, социальных, религиозных и иных ценностей, а также отношения к созданию определенного порядка и институтов. Он считал, что, начиная с Американской революции XVIII в., социокультурные расхождения и отклонения (*diverged*) не только накапливались в обоих североамериканских обществах, но и создали уже после Второй мировой войны фундаментальные различия в их политической культуре.

В последующем С.М. Липсет ввел понятие «формирующие принципы» (*formative principles*), характеризующее политическую культуру. Для США – это антистатизм, индивидуализм, популизм и эгалитаризм; для Канады – статизм, классовое сознание, элитаризм, законопослушание, ориентация на общественное и партикулярное действие. В то же время, по мнению Липсета, «рассматривая изменения между Канадой и Великобританией, канадские взгляды больше антистатистические, сильные и эгалитарные»¹¹.

Влияние формирующих событий С.М. Липсет переносит не только на политическую культуру, но и на традиции, ценности, менталитет и культуру в целом. Он считает, что формирующие события способствовали тому, что канадская литература в основном сосредоточилась на показе выживания сообщества, а американская – на личной незави-

⁹ *Wiseman N.* In Search of Canadian Political Culture. P. 28.

¹⁰ *Lipset S.M.* Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada. N.Y., 1990.

¹¹ *Lipset S.M.* American Exceptionalism. A Double-Edged Sword. London, 1995. P. 3.

симости и свободе. Канадцы поэтому в большей своей части принадлежат к традиционным деноминациям церкви (Католической, Англиканской или Объединенной), а американцы в большей степени связаны с эгалитарными и фундаменталистскими сектами. Канада к тому же обладает более низким уровнем преступности, более высоким уровнем объединения рабочих в профессиональные союзы, большей корпоративной концентрацией и большим количеством государственных предприятий. Канадцы менее циничны в оценке своих правительств, более активны на выборах (особенно провинциальных), менее способны участвовать в беспорядках и демонстрациях протеста, в большей степени доверяют своей полиции и менее заинтересованы в соблюдении гражданских свобод. Канада как мультикультурное общество не настаивает на ассимиляции новых иммигрантов. Ее культура больше соответствует «мозаике», чем «плавильному котлу». Конституция Канады включает права групп (язык, религию, мультикультурализм, аборигенность) – те ценности, которые в Соединенных Штатах не получили такого широкого распространения. Из этого американский социолог делает вывод, что такие различия предполагают, что торийское и социалистическое влияние более сильно в Канаде, чем в Соединенных Штатах.

Если за Соединенными Штатами С.М. Липсет признает «исключительность» исторического развития, то за Канадой он признает если не уникальность, то особенность ее политических институтов и политической культуры: «Желание построить свободные институты в рамках сильного монархического государства сделало Канаду отдаленной, отличающейся от своей метрополии, а также и от своего брата через границу»¹². Но все же «акцент на порядок (order) в Канаде и на свободу (liberty) в Соединенных Штатах имели последствия для каждой страны»¹³. Липсет утверждает: «Американизм был и остается политической идеологией. Не существует никакой идеологии канадизма»¹⁴. Следующий его довод заключается в том, что «Соединенные Штаты обладают пантеоном героев своих отцов-основателей. <...> в Канаде <...> не существовало никаких вдохновенных национальных лидеров, никаких идеологий, никаких политических теоретиков, которые продолжали бы влиять на споры сегодня»¹⁵.

Что на это можно сказать? В силу иного исторического развития канадские лидеры и политические движения появились позже, чем в США, но у Канады есть свои отцы-основатели канадской государст-

¹² *Lipset S.M. Continental Divide... P. 2.*

¹³ *Ibid. P. 45.*

¹⁴ *Ibid. P. 31.*

¹⁵ *Ibid.*

венности, созданной в 1867 г. как среди франкоканадцев, так и англоканадцев. В Канаде появились национальные политические партии и партийно-политическая система, а после получения Акта о Британской Северной Америке 1867 г. была создана единая национальная идеология, подобная американизму, идеология выживания, названная как «Национальная политика». Что касается политических теоретиков, то их целая плеяда, достойная упоминания в канадской политической истории, начиная с Г. Смита до У. Кимлики.

Основателем канадской школы исследования генезиса канадской политической культуры принято считать Г.А. Инниса. В качестве предисловия к анализу его теории следует указать, что канадская политэкономическая традиция существенно отличается от подобной традиции США. Исторически так сложилось, что исследование политики, экономики и социологии в Канаде подпало под объединяющую дисциплинарную рубрику политической экономии. Политэкономический подход Г.А. Инниса в 1930-е гг. можно определить как структурный и обращенный к колониальному наследию и статусу Канады через политэкономические категории. Основные из них следующие: главные экспортные товары сформировали определенный тип колониальной экономики. Г.А. Иннис указывал, что «<...> по канадским проблемам нельзя ответить с точки зрения экономики более старых стран»¹⁶; внутритерриториальные коммуникации особым образом ограничивали или ускоряли расселение колонистов и использование ими природных ресурсов; канадский экономический уклад и особенности канадских коммуникаций способствовали формированию определенной политической культуры, отличной от США.

Г.А. Иннис считал, что экономическое развитие Канады как последовательный процесс эксплуатации сырьевых природных ресурсов, или «степелз» товаров¹⁷, извлеченных из земли или моря, являлся существенным культурным фактором, определяющим не только создание национальных традиций, но и характерных черт национальной политической культуры.

В своих исследованиях он пришел к выводу, что экономическая структура и темпы роста, а также политические процессы в историческом прошлом Канады были продиктованы внешним спросом и контролем со стороны метрополий – сначала Франции, а затем Великобритании, – а Канада была внутривнутриресурсным районом и культурной периферией в отношении столичных экономических систем и культур

¹⁶ *Innis H.A.* The Bias of Communication. Toronto, 1964. P. 15.

¹⁷ *Staples* – основные продукты питания, главный продукт экспорта, главный элемент чего-либо, оптовый рынок.

Европы и США. Деловые круги, да и все население Канады находились в зависимости от производства главных экспортных (колониальных) товаров, которые были востребованы в метрополии, тем самым искусственно регулировалось, а порой и задерживалось экономическое и культурное развитие Канады. Теория экономического роста основных экспортных товаров Г.А. Инниса указывала на связь их добычи и полученного экономического эффекта от их реализации.

Характер труда в основных канадских регионах, по мнению Г.А. Инниса, наложил отпечаток на политическое сознание и ценности основных товарных производителей, а также на их политическое поведение. Ясно, что главные экспортные товары менялись во времени, менялось их месторасположение, а регионы при утрате (или производстве) главных экспортных товаров получали отличительные экономические и культурные изменения: районы либо бурно развивались, либо становились депрессивными. Политическое влияние этих районов на федеральном уровне также заметно менялось.

Начало было положено экспортом шкур бобра, которые очень ценились в Европе. Г.А. Иннис пришел к выводу, что взаимодействие географии и технологии во время торговли мехом определили не только экономическую, но и политическую судьбу Канады. Торговля мехом, по его мнению, в значительной степени определила границы Канады: «<...> страна появилась не вопреки географии, а благодаря ей»¹⁸.

Кроме того, торговля мехом изменила цивилизационные характеристики индейских (первых) наций. Аборигены, находясь в архаическом социуме, обменивали меха на сложные промышленные товары, огнестрельное оружие и спиртные напитки, о которых ранее им ничего не было известно: «Новая технология с ее радикальными новшествами вызвала такое быстрое изменение в индейской культуре, что создала условия по разрушению самих народов, оставив им войны и болезни»¹⁹. Это был важный культурологический вывод в оценке развития коренных народов Северной Америки.

Вывод Г.А. Инниса о взаимодействии культур, обогащении и воздействии на дальнейшее развитие канадской политической культуры опровергал постулат Л. Харца о «замороженности» франкоязычного фрагмента в Квебеке. Взаимодействие с местными народами позволяло успешно вести торговлю мехом, изменить европейский уклад на новый североамериканский уклад жизни и отношения с англичанами после завоевания, т.е. изменить более ранние традиционные условия существования.

¹⁸ *Innis H.* The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Revised ed. Toronto, 1956. P. 392–393.

¹⁹ *Ibid.* P. 388.

Г.А. Иннис заметил, что с ослаблением централизованного управления и уменьшением финансирования со стороны метрополии в начале XIX в. в Нижней и Верхней Канаде стала формироваться собственно канадская (но еще колониальная) политическая культура: «Имперская политика и ее влияние достигли своего пика и начали свое снижение в 1820–1850 гг. Канал Ридо с его вспомогательными каналами на р. Оттава был построен имперским правительством и подготовлен для навигации в 1823–1832 гг.»²⁰.

Структурные изменения в экономике, по мнению Г.А. Инниса, повлекли за собой политические изменения:

«Капиталовложения в крупном масштабе делали необходимым более прямую ответственность, контроль и использование соответствующих методов финансирования. Закон о Союзе 1840 г. и введение принципа ответственного правительства обеспечили это решение; они (эти решения. — *И.С.*), в свою очередь, предполагали правительственные гарантии и определенный тариф как средства получения дохода»²¹.

Еще один важный вывод Г.А. Инниса гласил, что каждая смена основных экспортных товаров в Канаде сопровождалась не только «экономическими разрушениями» внутри страны, но и значительными политическими изменениями. Особенно это заметно было в Квебеке во времена падения спроса на шкурки бобров и в Атлантических провинциях в периоды падения спроса на треску.

Подводя итог теории главных экспортных товаров, можно сказать, что Г.А. Иннис первым из канадских исследователей использовал многочисленные факторы для анализа цивилизационного развития Канады и формирования канадской политической культуры, такие как экономико-ресурсный, пространственно-временной, историко-культурный, традиционно-ценностный, этно-антропологический и коммуникационный.

Важным фактором цивилизационного развития Канады, по мнению Г.А. Инниса, были коммуникации, тесно связанные как с особенностями канадских географических условий, так и с производством экспортных продуктов. Он писал: «В исследованиях канадской экономической истории я был под влиянием явления, поразительно очевидного в Канаде... Напрямую в Атлантику, протекая через всю Северную

²⁰ *Innis H. An Introduction to the Economic History of Ontario from Outpost to Empire // The Economic History of Ontario. 1935. Vol. XXX. Papers and Records, Ontario Historical Society. P. 117.*

²¹ *Ibid. P. 119.*

Америку, впадают три обширные речные коммуникации – р. Миссисипи, р. Св. Лаврентия, а также сток рек, направлявших свои воды в Гудзонов залив»²².

Понятно, что водный путь через Великие озера и р. Св. Лаврентия, простиравшийся почти до середины Североамериканского континента, был первой и значительной коммуникацией для освоения новых территорий, взаимодействия с местными индейскими племенами и организации товарного обмена в условиях слабости первых французских поселений.

«Река, великая связь с внешним миром, продолжала быть также большой магистралью Новой Франции – летом для лодок, зимой для саней. Выше Квебека каное продолжало использоваться для легкого быстрого путешествия, а канадская плоскодонка – для тяжелого грузового экипажа. Канадская плоскодонка была большой лодкой, борта которой изготовлены из белой ели, а основание для усиления – из дуба. Зимой, когда путь по льду был закрыт снегом, Постановление (Ordinance 1726. – *И.С.*) требовало, чтобы фермеры отмечали дорогу между своими фермами, и после снегопада заставляли животных протаптывать путь между отметками»²³.

В XIX в. железные дороги явились основным средством коммуникаций. Согласно утверждению Г.А. Инниса, именно железные дороги способствовали появлению нового вида главных экспортных товаров – зерна. Он также заявлял, что трудный и дорогостоящий строительный проект был поддержан страхами перед американской аннексией канадского Запада, а «“Национальная политика” направляла деньги фермеров Прерии в карманы восточного делового предпринимательства»²⁴. По этому поводу Г.А. Иннис также писал: «Западная Канада заплатила за развитие канадской национальности, и кажется, что она должна продолжать платить. Жадность Восточной Канады не показывает никаких признаков ее уменьшения (стремления в получении прибыли. – *И.С.*)»²⁵.

Заслуга Г.А. Инниса в исследовании экономической истории Канады состоит в том, что, хотя его выводы носили экономический характер, он также отметил их влияние на развитие канадской культуры. Так, в работе «История Канадской Тихоокеанской железной дороги» основное

²² *Innis H.A.* Empire and Communications. Oxford, 1950. P. 5.

²³ *Innis M.Q.* An Economic History of Canada. Toronto, 1935. P. 34.

²⁴ Harold Innis (<http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/119645>).

²⁵ *Innis H.A.* A History of the Canadian Pacific Railway. Revised ed. Toronto, 1923. P. 290.

значение этого строительства он видел в распространении западной культуры и цивилизации²⁶. А это, в свою очередь, способствовало уникальному опыту создания региональных политических культур.

Г.А. Иннис считал, что составляющие любого производства – капитал, труд и основные экспортные товары – в своем взаимодействии формируют не только производственные отношения, но и властные отношения через политическое сознание электората. В дальнейшем идеологический аспект производства и воспроизводства товаров он перенес на характеристику СМИ и коммуникаций в капиталистическом обществе. Г.А. Иннис полагал, что «фундаментальные технологические прорывы предвещали новые формы общественной организации»²⁷. Таким образом, из теории Г.А. Инниса следуют важные выводы о том, что в североамериканских условиях «фрагментарные» политические культуры получили заданный колониальным экономическим укладом вектор развития.

Г. Горовиц связывал появление прогрессистского и рабочего движения на канадском Западе в начале XX в. с генетическим родством идеологии канадских тори, близких к коллективистским ценностям, которых придерживались социалисты: канадские тори способствовали появлению особой идеологии и, соответственно, распространению особого движения – «аграрного социализма» – в противоположность европейскому «пролетарскому социализму». Этот вид англоканадского консерватизма, который Г. Горовиц обозначил термином «красный торизм», у специалистов сначала вызвал скептицизм, затем был определен как образное выражение канадского консерватизма, а в последующем был признан канадской политологической школой как неточное и практически непроверяемое определение. Образцом «красного торийца» Г. Горовиц считал премьер-министра Ричарда Б. Беннета.

Он также полагал, что канадский социализм имеет особую природу, связанную с торизмом: «Социализм – идеология, которая комбинирует корпоративные органические коллективистские идеи торизма с рационалистическо-эгалитарными идеями либерализма. <...> Социалисты не соглашаются с либералами по сути смысла равенства, потому что у социалистов есть торийская концепция общества»²⁸.

По мнению Г. Горовица, коллективистская идеология «красного торизма» вполне сочеталась с коллективистским феодальным франко-

²⁶ *Innis H.A.* A History of the Canadian Pacific Railway. P. 338.

²⁷ *Innis Harold Adams* (1894–1952) (<http://www.collectionscanada.gc.ca/innis-mcluhan/030003-1050-e.html>).

²⁸ *Horowitz G.* Conservatism, Liberalism, and Socialism in Canada: An Interpretation // The Canadian Journal of Economics and Political Science. 1966. Vol. 32. No. 2. May. P. 145.

канадским фрагментом, и поэтому в середине XIX в. появилась возможность сотрудничества франко- и англоканадских элит как в создании консервативной идеологии в форме общеканадского национализма, так и создании консервативной политической партии на бинациональной основе.

В дальнейшем, следуя взглядам Г. Горовица, идеология «красного торизма» проникла в западные провинции, сначала в Британскую Колумбию, затем Манитобу, Альберту и Саскачеван по мере их создания и расширения. Там эта идеология, по образному выражению К. Макрэ, была «великодушно “оплодотворена” британскими иммигрантами, уже знакомыми с фабианским социализмом»²⁹. Это взаимное сочетание идеологий способствовало тому, что в Саскачеване рабочее протестное движение было создано в форме Федерации кооперативного содружества (ФКС; англ. – ССФ). По мнению Г. Горовица, ФКС была аграрной социалистической партией.

Он считал, что в канадской политической культуре присутствовали только ей присущие характерные черты, которые заключались в следующем:

1. Присутствие торийской идеологии при основании английской Канады лоялистами и ее продолжающемся влиянии на англоканадскую политическую культуру.
2. Постоянная власть вигов или идеологии правого либерализма в Канаде до середины XIX в. (Компактная Семья).
3. Двойственный центристский характер левого либерализма в Канаде.
4. Наличие влиятельного социалистического движения во власти на провинциальном уровне в английской Канаде в первой половине XX в.
5. Принятие формы англоканадского либерализма для развития националистического культа и мифа как единственного образца и параллельного отказа от торизма и социализма как «неканадских идеологий».
6. Наличие альтернативного идеологического разнообразия в английской Канаде³⁰.

Г. Горовиц считал, что канадская консервативная идеология, в основе которой заложен «красный торизм», существенно отличалась от британской, способна на сотрудничество с либеральной и социал-демократической идеологиями и, по существу, не имела с ними непреодолимых

²⁹ *MacRae K.D.* The Structure of Canadian History // Hartz L. With contributions by MacRae K.D. et al. The Founding of New Societies: Studies in the History of the United States, Latin America, South Africa, Canada, and Australia. N.Y., 1964. P. 269.

³⁰ *Horowitz G.* Op. cit. P. 151.

различий, была «готова использовать власть государства с целью развития и управления экономикой»³¹.

Основная идея теории волновой иммиграции Н. Вайсмэна заключается в том, что потоки иммигрантов, различные по своему этническому, культурному, идеологическому составу и количеству, распространяясь по территории Канады, несли собой новые политические и культурные ценности, отличные от тех, которые имели ранние переселенцы, и тем самым оказывали свое влияние на формирование канадской политической культуры и складывание ее традиций и ценностей.

По мнению Н. Вайсмэна, определенные волны иммиграции создавали не только мозаичную иммигрантскую культуру, но и оказывали инфраструктурное влияние на развитие Канады. Так, прибывшие в XIX в. ирландцы строили в центральной Канаде каналы, а китайцы — железные дороги. В теории волновой иммиграции Н. Вайсмэн различает пять основных иммигрантских волн в истории Канады, которые оказали такое же влияние на историю канадской политической культуры, как и формирующие события по С.М. Липсету.

Первая — это *французская волна* с начала заселения до 1760 г., вторая — *«лоялистская волна»* 1780-х гг., третья — *ранняя современная волна* — связана с периодом иммиграции из Великобритании в течение всего XIX в., четвертая — *современная волна*, состоящая из иммигрантского потока с последнего десятилетия XIX в. до окончания Второй мировой войны (1945), пятая — *глобальная волна* включала иммигрантов из стран Южной Европы, Азии, Карибского бассейна, Латинской Америки (с 1945 г.). Иммигранты этой волны селились в основном в городских районах мегаполисов и создали доминирующие ориентации по соблюдению индивидуальных и равных прав и иные ориентации³². Н. Вайсмэн считал:

«<...> пятая волна наступила с окончания Второй мировой войны, идеологически не переориентировала партийную политику, не создала новые партии, но она заставила основанные партии переориентировать себя и приспособлять свое присутствие к существующим условиям. Эта волна повлияла на государственную политику и изменила лицо руководства со стороны общественности. Она преобразовала себя из более старого восприятия английской Канады как британская страна. Политические партии должны были приспособить эту волну и переориентировать себя к ее присутствию»³³.

³¹ Horowitz G. Op. cit. P. 151.

³² Wiseman N. In Search of Canadian Political Culture. P. 33.

³³ Wiseman N. Five Immigrant Waves: Their Ideological Orientations and Partisan Reverberations // Canadian Ethnic Studies. 2007. Vol. 39. No. 1–2. P. 5.

Н. Вайсмэн также утверждал, что у послевоенной иммиграционной волны были две «ряби»:

«У иммигрантской волны после (Второй. — *И.С.*) мировой войны было две широкие ряби, обе “многоэтнические”, но каждая из них очень отличалась своим происхождением в Старом Свете. Первая рябь состояла из полутора миллионов человек, прибыла с 1946 по 1961 г. и была в значительной степени европейской. Ее четыре самые многочисленные национальные группы были британцами, итальянцами, немцами и голландцами. Приблизительно одна треть этой ряби обосновалась в большей степени в Торонто. <...> Вторая рябь в (пятой. — *И.С.*) волне начала прибывать в конце 1970-х гг. после устранения последних остатков расовых критериев в канадской иммиграционной политике в 1967 г. Европу и Великобританию стали считать основным континентом и страной происхождения иммигрантов. В 1971 г. в Канаду эмигрировало американцев больше, чем граждан любой другой страны, но это было аномальным явлением, связанным со все более и более непопулярной войной во Вьетнаме»³⁴.

Кроме того, канадский политолог отмечал, что «есть огромные различия между первой и второй рябью глобальной волны. Родившиеся в Европе намного более вероятно будут участвовать в голосовании, чем люди канадского происхождения, в то время как гораздо менее вероятно, что родившиеся в Азии (за исключением индусов) и на Ближнем Востоке будут участвовать в голосовании»³⁵.

В характеристике послевоенной иммиграции Н. Вайсмэн отметил значительные религиозные изменения:

«Сопутствующей особенностью иммиграционной ряби после 1960-х гг., в дополнение к ее национальному и этническому разнообразию, было свое религиозное разнообразие. К 2001 г. только 72% канадцев считали себя христианами в отличие от 95% — в 1871 г. За тот же период процент нехристиан более чем утроился с 5 до 16% (остальные 7% считали себя атеистами). Исторически религиозное предпочтение было важным в канадской политике, потому что это был единственный самый сильный детерминант поведения электората»³⁶.

³⁴ Ibid. P. 22.

³⁵ Ibid. P. 26.

³⁶ Ibid. P. 22.

Н. Вайсмэн считает, что во второй половине XX в. канадская политическая культура имела две существенные особенности, которые особенно ярко проявились на региональном уровне: идеология и политическая практика отошли «далеко от консервативно-либерально-социалистической парадигмы»³⁷; в стране не было, как раньше, мощных «идеологически отличительных иммигрантских политических ориентаций», которые могли бы влиять на изменения в политической культуре³⁸.

Н. Вайсмэн также утверждает, что на протяжении всего периода политической практики до середины XX в. в канадской политической культуре присутствовал *нативизм*: «Первый член парламента Канады китайского происхождения был избран только в 1957 г., и первый федеральный член кабинета министров славянского происхождения был назначен в том же году. Ни одного еврея не допустили к федеральному кабинету до 1969 г., и первый канадский индус был избран в законодательный орган власти только в 1986 г.»³⁹.

Теория «Структура либерального порядка» И. Маккея заключается в том, что в рассматриваемом им историческом промежутке 1840–1940 гг. канадская политическая культура формировалась как либеральный проект метрополии по продвижению либеральных идей и либеральных ценностей на территории Британской Северной Америки. Либерализм – это та структура, в которой строились политические партии, государственная и политическая системы. Канадская политическая культура формировалась как «проект либерального правления» («project of liberal rule»).

Период 1840–1940 гг. И. Маккей называет «канадской либеральной революцией», которая по смыслу была революцией, а по времени – постепенным эволюционным разворачиванием либерального порядка в течение ста лет, сначала в колониях Британской Северной Америки, затем внутри Канадской конфедерации.

Как последователь марксизма И. Маккей предлагает критически проанализировать путь, по которому внедрялись либеральные принципы в Канаде в свете теорий гегемонии и пассивной революции, сформулированных Антонио Грамши. По сути, подход И. Маккея прекращает канадские историографические дебаты о том, какая перспектива является самой важной или ценной: социокультурная или политическая, объединяя их.

По мнению И. Маккея, первая фаза либеральной революции связана с событиями восстания 1837–1838 гг., когда «сторонники конститу-

³⁷ *Wiseman N. Five Immigrant Waves...* P. 23.

³⁸ *Ibid.* P. 24.

³⁹ *Ibid.*

ционной формы правления” стали самыми ранними предшественниками либералов и консерваторов, и они будут, в конечном счете, строить Канаду согласно модели структуры либерального порядка»⁴⁰.

Вторая фаза определяется периодом функционирования «ответственного правительства» как «перестройка политических привязанностей, особенно внедрение компромиссов, которые произошли с 1851 по 1854 г., и рождение либерально-консервативной партии»⁴¹. В третью фазу активной революции, по мнению И. Маккея, следует включить исторический период создания «Конфедерации, развитие канадского Запада, проведения Национальной политики и кодификации гражданского и уголовного права в Канаде»⁴².

Четвертая фаза — это фаза пассивной либеральной революции, фаза, «в течение которой либеральный порядок приспособился и договаривался далее о компромиссах, чтобы поддержать свою гегемонию внутри канадского общества. Период с 1900 по 1940 г. поэтому интерпретируется как ключевая поддающаяся трансформации фаза либерального порядка»⁴³.

Очень важным является признание И. Маккеем британской политической традиции ядром канадской политической культуры:

«Либеральная Канада была окружена “исключениями”, которые определили “правило”: и монарх был тем, кто выбрал исключение, — чья защита суверенитета, ядра либерального порядка, — требовала решений применить силу, культурное принуждение и другие экстраординарные, но необходимые меры против того, что находилось пространственно или концептуально на его периферии»⁴⁴.

И. Маккей полагал, что продвижению либерального порядка в Канаде мешали три основные оппозиционные силы, «<...> классифицированные согласно тому, как близко они были расположены (и концептуально и часто географически) к индивидуалистическому ядру проекта»⁴⁵.

⁴⁰ *McKay I.* Liberalism and Hegemony: Debating the Canadian Liberal Revolution / Ed. by J.-F. Constant, M. Duchar. Toronto, 2009. P. 19.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Ibid.* P. 20.

⁴³ *McKay I.* The Logic of the Canadian Passive Revolution: A Reconnaissance of the Transformation of Liberal Order, 1900–1950 / Unpublished paper presented at the Liberal Order in Canadian History conference McGill Institute for the Study of Canada. Montreal, 3 March 2006. P. 6.

⁴⁴ *McKay I.* The Liberal Order Framework: A Prospectus for a Reconnaissance of Canadian History // *The Canadian Historical Review*. 2000. Vol. 81. No. 4. December. P. 628.

⁴⁵ *Ibid.* P. 635.

К первым силам он относил республиканцев и тори 1840-х гг., которые в XX в. передали свое оппозиционное сопротивление либеральному порядку канадским лейбористам и феминисткам. Ко вторым силам — алиберальных франкоканадцев, находящихся географически в центре либерального проекта; к третьим — аборигенов, пребывавших на периферии проекта.

Особенность структурного подхода И. Маккея заключается в том, что им было выделено в отдельное направление исследование о группах меньшинств, которые были исключены частично или полностью из политического процесса. Однако своим существованием сначала косвенно, а затем опосредованно они стали влиять на формирование канадской политической культуры. Действительно, такой подход во многом объясняет современные политические притязания этнических и культурных меньшинств, других алиберальных меньшинств, которые меняют устоявшиеся представления не только о традиционных торийских, но и либеральных ценностях.

Проведенный анализ американской и канадской научных школ по исследованию истории канадской политической культуры показал следующее:

недостаточность существующих ныне теорий для объяснения исторически обоснованного генезиса и эволюции канадской политической культуры;

в основе всех теорий лежит какой-либо определенный фактор, который авторы стремятся представить определяющим в их формировании, хотя очевидно, что в исторической динамике имело место влияние целого ряда многомерных факторов;

ни одна из теорий, исходя из своих положений, не дает полное представление о характеристиках политической культуры и закономерностях ее развития.